

Л. КУДРЕВАТЫХ

8 коп.

ВАРТА

БЕРЛИНСКАЯ ТЕТРАДЬ

НАУЭН

ПОТСДАМ

ШПРЕЕ

ФРАНКФУРТ

Против
товарищ!

БЕРЛИНСКАЯ ТЕТРАДЬ

Леонид Кудреватых

З А П И С К И
В О Е Н Н О Г О
КОРРЕСПОНДЕНТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ЗНАНИЕ“
МОСКВА 1966

P2
K88

7-3-2

I. НАПРАВЛЕНИЕ НА ОДЕР

Завтра в путь- дорогу

Волнующая неожиданность: я и корреспондент «Правды» Мартын Мержанов получили распоряжения из своих редакций срочно перебраться в войска 1-го Белорусского фронта, ведущие наступательные бои на Берлинском направлении.

Конечно, почетно быть на центральном направлении предстоящих завершающих событий войны, но вместе с тем и жаль расставаться с 3-м Белорусским фронтом, с войсками которого я прошел путь от Вильнюса до стен окруженного и осажденного Кенигсберга.

Хотелось дописать заключительную страницу о боях за освобождение Восточной Пруссии. Многое для этой страницы мы увидели вчера, в курортном городе Кранц на берегу Балтийского моря.

Курорт для кенигсбергской «элиты», город ресторанов, гостиниц и дорогих особняков почти не тронут боем. Наступление наших войск настолько стремительно, что немецкая знать, удирая в последнюю минуту, еле уносит ноги. В квартирах и номерах гостиниц на столах недопитые чашки кофе, постели не убраны, из невыключенных радиоприемников льется музыка.

Капитан Сарышев, только что назначенный военным комендантом Кранца, рассказывал нам:

— В городе осталось около двух тысяч жителей. Они ходят как одичалые, до сих пор не понимают происшедшего.

«Одичалых» пруссаков мы видели на всем пути наступления наших войск по Восточной Пруссии. Да и как им не одичать? Вначале они надеялись на сверхъестественную оборонительную систему. Восточная Пруссия была превращена в страну-крепость. Каждый клочок земли изрыт траншеями, опутан колючей проволокой, усеян минами, поля пересечены противотанковыми рвами, каменные строения переделаны в своеобразные доты. И вся эта система, рубеж за

рубежом, взломана на всю ее глубину. Немцы возлагали свои упования на армию. Но и армия не оправдала их надежд. Она быстро истреблялась советскими войсками, а уцелевшие части в панике покидали города. Тогда цивильные пруссаки, бросая нажитое годами и награбленное за войну барахло, пустились бежать. А бежать-то уже некуда — позади море.

Конец смрадного существования гитлеровской Германии приближается неотвратимо...

Завтра — в дорогу. Наш путь лежит вдоль линии фронта, по местам боев. Как всегда, стану писать только о том, что увижу своими глазами или услышу от непосредственных участников событий. Это будет и достовернее и, наверное, интереснее.

Восточная Пруссия, 16 февраля 1945 года.

Вдоль линии фронта

На этот раз наш маршрут пролегал вдоль линии фронта на юго-запад, через всю Восточную Пруссию и северо-западную Польшу. Мы с Мержановым огибали Мазурские озера самых причудливых очертаний, топкие, незамерзающие болота, пересекали десятки рек, проезжали через города и села, на улицах которых совсем недавно шли бои. Ранняя весна согнала снеж-

ный покров с полей, обнажила места отгремевших битв.

Поверженная Восточная Пруссия потеряла свою горделивую, павлинью осанку. Пруссаки научились удирать и в беге петляли не хуже зайцев.

В Алленштейне нас поразила железнодорожная станция с десятками путей, до отказа забитая груженными составами товарных и пассажирских поездов. Пробка образовалась при не совсем обычных обстоятельствах. На станцию неожиданно для немцев ворвалась кавалерийская часть подполковника Бондарева. Персонал станции, инженеры и рабочие депо находились на своих местах. Все службы работали полным ходом. Около немцев — на станции, в депо и у стрелок — были поставлены советские часовые. Подполковник Бондарев приказал железнодорожникам:

— Продолжайте работать нормально! Принимайте все прибывающие поезда!

Как раз сюда, в Алленштейн, шли из Кенигсберга поезда с оборудованием фабрик и заводов, с имуществом прусской знати. За сутки кавалеристы приняли пришедшие на станцию двадцать два совершенно исправных груженых состава.

Наша корреспондентская эмка, побывавшая за годы войны под Смоленском, у озера Иль-

мень, под Сталинградом, прошедшая путь от Курской дуги через всю южную Украину и Молдавию до северных районов Румынии, исколесившая Белоруссию и Литву, пересекла Восточную Пруссию и теперь катилась по земле освобожденной Польши. Не скрою, с радостным чувством мы проезжали расцвеченный флагами праздничный людный городок Нове-Място. Вообще все польские города и местечки, в которых мы побывали, были украшены флагами и зелеными гирляндами. На улицах с утра до позднего вечера шумно. Поляки охотно помогают идущей на запад Красной Армии. Они строят мосты, несут караульную службу, дежурят в госпиталях, конвоируют пленных фашистов.

Благодаря стремительному наступлению Красной Армии большинство польских городов уцелело. Но некоторые все же разрушены отступающими немцами. Мы видели развалины окраин Торн, в котором на днях был добит окруженный немецкий гарнизон. Однако и в этом некогда прекрасном городе, раскинувшемся на правом берегу Вислы, ключом бьет жизнь.

Восстанавливается железнодорожный мост через Вислу. А городской мост уже восстановлен, и по нему безостановочно движется поток машин и войск, идущих на запад, на Берлин.

Торн, 18 февраля 1945 года.

Мы ехали к Одеру по центральной автостраде, ведущей в Берлин. На пути к линии фронта лежал город-крепость Познань. Однако попасть в Познань нам удалось не с востока, а с юга, с большим объездом. В тот день еще очищались от немцев восточные пригороды Познани.

По шоссе шли толпы пленных. Их конвоировали поляки, жители Познани, со старинными карабинами за плечами и с широкими красно-белыми лентами на рукавах. Мы разговорились с одним конвоиром.

— Сегодня их взяли в плен шесть тысяч, — сказал он. — Теперь немцы дерутся только в цитадели. Они укрылись в древних крепостных казематах. Выкуривают их и оттуда. Слышите, как рвутся бомбы?

Мы не только слышали отдаленные гулкие разрывы, но также видели над Познанью кружившиеся, будто в карусели, наши самолеты. Наблюдая вместе с нами самолетную карусель, поляк-конвоир говорил:

— Прямо по этой дороге вы не попадете в город. Тут несколько дней назад была настоящая война, все мосты разрушены. Да и Варта разыгралась ныне рано.

Чтобы проникнуть в город, у стен которого

мы только что были, нам пришлось сделать объезд в сто километров.

Познань открылась нам с юга — разрушенные снарядами пригороды, забитые вагонами и паровозами железнодорожные пути, обвисшие тросы над пустынными трамвайными линиями...

Но всюду флаги! Флаги, огромные красно-белые полотнища, свисающие чуть ли не из каждого окна. Улицы запружены народом. У людей на рукавах или в петличках красно-белые ленты.

Минуем относительно уцелевшие кварталы южной части нового города, пересекаем древние валы крепости, и взору открывается страшный хаос разрушения. Смотришь на руины и понимаешь, с каким огромным напряжением шли в городе бои, каких усилий стоило нашим бойцам его освобождение.

Здесь все разбито. Улицы, точно баррикадами, перехвачены поваленными колоннами, разными обломками, щебнем. Многоэтажные здания со стенами метровой толщины срезаны, будто это были спичечные коробки. Каменные стены точно оспой исклеваны пулями и осколками снарядов. Чем дальше на север, тем отчетливее ощущаешь масштабы только что затихших уличных боев. И здесь еще люднее: поляки расчищают на улицах проходы и проезды.

В развалинах укрылись полковые обозы,

дымятся солдатские кухни. В воздухе висит пыль, все наполнено раскатистым гулом боя; идет осада цитадели.

Во дворе одного узенького переулка я встретил генерал-майора Д. Е. Баканова, командира гвардейской дивизии. Дивизия штурмовала город с первых дней боев за Познань и сейчас завершает сражение за цитадель. План города, лежащий перед генералом, испещрен красными стрелами, многие кварталы обведены кружочками — они уже заняты. Стрелы идут от южных окраин и, разбегаясь по улицам, огибают старый город-крепость, обнесенный несколькими высокими земляными валами; перерезав и эту часть города, стрелы на карте как бы вонзаются в Хвалищевский остров, а потом уже со всех направлений устремляются к цитадели.

Командир дивизии рассказал, какую исключительно сложную борьбу пришлось выдержать нашим солдатам и офицерам, чтобы разгромить засевшую в Познани группировку отборных немецких войск.

Когда кольцо наших подразделений замкнулось вокруг Познани, в городе находилось более сорока тысяч немецких солдат, в их числе специально подготовленные батальоны, хорошо вооруженные артиллерийские части, курсанты юнкерского и унтер-офицерских училищ, эсэсовцы. В их распоряжении всего было в избытке,

в Познани находились богатейшие тыловые склады, питавшие немецкую армию на Восточном фронте.

Центр города представляет собой древнюю крепость. Улицы носят о многом говорящие названия: вал Зигмунда Старого, вал королевы Ядвиги, вал Августа...

За кольцеобразными улицами-валами выкопан противотанковый ров шириной в восемь метров и глубиной в пять метров. За рвом немцы соорудили большое количество железобетонных дотов, связанных между собой подземными ходами сообщений. За дотами возвышается крепостная стена, а за ней — дома на узеньких улочках. Невероятно трудно было вести бой в этих кривых улочках, где стены домов — метровые, а под домами — двухэтажные железобетонные сооружения, соединенные между собой внутри каждого квартала. Теперь все это пройдено, освобождено от немцев.

Командир дивизии генерал-майор Баканов не впервые ведет уличные бои. Он дрался с немцами в Сталинграде. Может быть, именно тогда его офицеры и солдаты овладели искусством борьбы за дом, квартиру, лестничный пролет. Выручка и мастерство, накопленные в боях на берегах Волги, теперь помогали бить немцев в Познани.

Вслед за генералом Бақановым мы поднима-

емся на башню самого высокого костела в городе. Здесь наблюдательный пункт командира дивизии. Перед нами открывается панорама сражения. Яркие языки пламени лижут каменные стены цитадели, построенной на холме. Высоко в небо вздымаются густые черные облака дыма. Артиллеристы подполковника Киселева и майора Галыгуцкого бьют по бастионам и развалинам цитадели прямой наводкой.

— Не спасут немцев ни многометровые перекрытия, ни древние пещеры, — говорит генерал Баканов. — В тупом немецком упрямстве нет ни капли смысла. Они сами понимают, что мы их выковырнем из любой щели.

Немцы действительно с маниакальным упрямством обороняли, например, одно из крупнейших зданий города — так называемый замок Пилсудского. Это четырехэтажное здание, отделанное снаружи гранитом, не могли пробить снаряды тяжелых орудий. Осада продолжалась двое суток. На третьи сутки пятнадцать храбрцов капитана Хатизова проникли в здание через центральный выход, а двадцать бойцов капитана Яцина ворвались в северное крыло замка. Завязался рукопашный бой. В ход пошли приклады автоматов, финки, гранаты.

Бреши пробиты. В них хлынули сотни автоматчиков. Они быстро растеклись по четырестам комнатам, и через два часа паркет в залах

и дорогие ковры были усеяны трупами гитлеровцев, а на дворе выстраивались в колонну 650 немецких солдат и офицеров, взятых в плен. Генерал Баканов показал мне этот замок. В одной из комнат лежало около двухсот раненых немцев. Один из них сказал с нескрываемой горечью:

— Скоро и Берлину капут!

Квартал за кварталом, улица за улицей очищалась Познань от немцев. Как ни старался выслужиться перед фюрером полковник Коннель, громогласно обещавший удержать Познань до мая и за это обещание получивший от Гитлера сразу звание генерал-лейтенанта, судьба Познани, как и самого Коннеля вместе с его войсками, была предрешена еще в первый день штурма.

В городах Западной Польши, где колонизаторская политика фашистской Германии проводилась наиболее рьяно, Красную Армию — армию-освободительницу — встречали с особой радостью. В Познани, например, мы видели, с каким энтузиазмом жители города помогали советским воинам. Поляки бодили наших бойцов в разведку по проходным дворам, известным только им, старожилам города; вместе с саперами сотни жителей Познани помогали пехотинцам и артиллеристам переправляться через Варту на штурм островных кварталов города.

Сегодня над Познанской крепостью в порывах весеннего ветра развеваются тысячи польских флагов. Начинается новая жизнь, завоеванная городу ратным подвигом наших войск.

Познань, 21 февраля 1945 года.

Листок из блокнота

Из Познани фронтовая дорога вела нас прямо на запад. Дорожные указатели лаконично и многозначительно возвещали: «На Берлин».

В польском городке Мендзыхуд, в свое время отторгнутом немцами от родной земли, как и все Познанское воеводство, и переименованном ими в Бирнбаум, в феврале начали накапливаться писательские и журналистские силы, аккредитованные при 1-м Белорусском фронте. Одновременно со мной и Мержановым сюда прибыли от газеты «Известия» писатель Всеволод Иванов и фотокорреспондент Г. Самсонов.

Всеволод Иванов, Лев Славин и я, представлявшие «Известия», и правдисты Яков Макаренко и Мартын Мержанов разместились в двух комнатах дома, принадлежавшего семье поляка-колбасника.

Первые дни ушли на представление в политуправлении, на знакомство с оперативниками и

разведчиками. Вошел в курс событий и обстановки на фронте. Сажусь писать первую корреспонденцию для «Известий» с этого фронта. А завтра — в путь, туда, где гремят бои.

Мендзыхуд, 3 марта 1945 года.

По дорогам Померании

Половодье весеннего наступления Красной Армии залило Померанскую провинцию фашистской Германии. Танковые колонны, разрезав Померанию на две части, вырвались к Балтийскому морю, в нескольких пунктах расчленили немецкие войска на части, нарушили управление ими, заперли значительные группы гитлеровских солдат и офицеров в большие и малые «котлы» и «мешки». Теперь пехотинцы и кавалеристы, прочесывая леса, доколачивают эти группы, а тех немцев, которым удастся улизнуть из «котла», прижимают к морю, к берегам Штеттинской гавани.

Все это произошло с потрясающей быстротой, перепутало карты немецкого командования и позволило нашим войскам кое-где выйти на восточный берег Одера.

Исходным районом этого наступления послужили берега небольшой речушки Ины, через ко-

торую в хмурое мартовское утро вначале хлынул ливень огня, потом рванулась пехота, а во второй половине дня двинулись танковые части.

Весеннее солнце отогрело землю, дожди размочили ее и превратили поля в липкую грязь. И теперь здесь видны убегающие к горизонту глубокие борозды, проложенные гусеницами танков. Эти борозды пересекают померанские поля вдоль и поперек. Одни борозды поведут вас к приморскому городу Кольбергу, другие повернут на северо-запад и упрутся в Каммин — важный порт в Померанской бухте. Во всех направлениях — строго на север, на северо-запад и прямо на запад — идет советская пехота. Она с боями закрепляет успехи танкистов, окружает опорные пункты противника, ликвидирует их гарнизоны, если те не сдаются, сокрушает сопротивление отдельных групп, смыкает «мешки», затягивая на них смертельную петлю.

Немало дорог разбегается по территории Померании. Многие не ремонтировались годами. Они разбиты, узки для двухстороннего движения. По ним устремились советские танки, пушки, колонны автомашин.

На всех дорогах наблюдаешь у людей одно и то же: радостное предвкушение близкой победы, глубокое внутреннее волнение и сознание ответственности за успех дела.

В занятые нашими войсками города и села

нередко невзначай приезжают немецкие машины со штабными офицерами, боеприпасами и продуктами, не подозревая, что тот или иной город уже занят Красной Армией.

Разобщенные на отдельные группы, лишённые руководства, прижатые со всех сторон к морю, части 11-й немецкой армии бросились к переправам через Одер. Тысячные колонны автомашин скапливаются у переправ. Советские самолёты — штурмовики и бомбардировщики — громят эти колонны.

Каждый день наступления Красной Армии сокращает возможности отхода немецких войск из центральной Померании. На днях немецкие войска потеряли единственную приморскую дорогу, ведущую на Свинемюнде. Красная Армия вышла к устью Одера, к восточным берегам Померанской и Штеттинской бухт. Огонь советских орудий слышен уже и в городе Штеттине.

7 марта 1945 года.

На Штеттинском направлении

Мартовским утром ехали мы на запад, к небольшому городку на восточном берегу Одера. Асфальтовое шоссе хранило свежие следы не-

давних боев. Стволы деревьев изранены осколками, иссечены пулями, многие повалены снарядами. Около дороги брошены немецкие самоходки, завязшие в грязи, «пантеры», разбитые пушки. Населенные пункты вдоль шоссе, превращенные в опорные пункты обороны, выглядят так, будто над ними пронесся ураган. Хорошо поработали здесь советская артиллерия и штурмовые группы.

Геббельсовская пропаганда поторопилась раструбить: «Русские, пытавшиеся прорваться к Штеттину, остановлены». Но прошло всего несколько дней после хвастливого заявления Геббельса, и жители Штеттина слышали нарастающий гул советских орудий, а вскоре издавали и силу снарядов, выпускаемых из русских гаубиц.

Сокрушительное поражение немцев на Штеттинском направлении — один из результатов разгрома немецких войск в приморской части Померании, умелых и быстрых действий частей Красной Армии, прорвавших довольно сложный Штаргардский рубеж обороны врага. Центром этого рубежа был город Штаргард — узел железных дорог, связанный, кроме того, со всей Померанией еще шестью шоссевыми магистралями, разбегающимися веером. На оборону рубежа немецкое командование поставило отборные войска, в том числе пехотную дивизию СС

«Лангемарк», мотодивизии СС «Норланд» и «Нидерланды».

Теперь мы имеем возможность осмотреть этот оборонительный рубеж. Успех всей операции решала стремительность развития боевых действий. Промедли час — и противник взорвет переправы, перебросит солдат в заранее подготовленные оборонительные сооружения, и опять придется брать их в тяжелых боях. Подразделения генерала М. А. Сиязова с ходу врываются на мосты и на железнодорожный узел. Все мосты — немцы не успели их взорвать (а один поврежденный мост наши саперы восстановили через два часа) — и железнодорожные пути они захватывают в полной исправности. По мостам немедленно переправляются не только пехота, но и артиллерия, в том числе даже тяжелая.

Штаргард взят штурмом.

Тысячные толпы русских, украинцев, поляков, белорусов выходят в эти дни на Штеттинское шоссе. Они идут на восток, на родину. Вот один из них — Остап Криворучко. Угнанный в неволю еще в 1942 году, на немецкой каторге он поседел, состарился не по годам. Украинец рассказывает:

— Вчера совсем умирать собирался, сил не оставалось. А сегодня отмахал уже двадцать километров. Вот что значит свобода!

В деревне Панзин, под Штаргардом, наши

войска обнаружили библиотеку Академии наук Белорусской ССР, вывезенную сюда немцами. Библиотека взята под охрану.

За Штаргардом сопротивление немцев усиливается. Они бросают в бой все, чтобы удержать дороги, по которым стараются вырваться на Штеттин их разрозненные части. Войска генерал-полковника П. А. Белова штурмуют последние рубежи врага на восточном берегу Одера, на подступах к городу Альтдамму.

Генерала Белова, героя обороны Москвы и Тулы, теперь ведущего свои войска на Штеттин, я нахожу в его штабе. Беседую с ним о только что виденном в пути. Он рассказывает:

— Тут у нас много героев московской обороны: генерал Сиязов, полковник Пономаренко, полковник Мальков. Устояли перед немцами под Москвой, дали им там первый урок, набили морду. Ворвемся и в Штеттин!

И в Берлине будем!

Так и пишите.

8 марта 1945 года.

Снова в путь

Достается же нашей фронтовой эмке! Основательно поколесив по Центральной Померании,

сегодня помчимся строго на запад, то есть прямо на Берлин, через город Кюстрин, на окраинах которого завершаются ожесточенные бои.

Кюстрин лежит на центральной магистрали, ведущей в Берлин. Берлинское шоссе от восточных границ Германии через Шверин и Королевские леса прямой асфальтовой лентой проходит через Кюстрин, а оттуда — через реку Одер. Старинный крепостной город плотно прижался к берегам Варты и Одера, с юга прикрылся широкой болотистой поймой и густой сетью маленьких озер.

Прежде чем тронуться в путь, я заскочил к оперативникам штаба фронта: следует запастись необходимыми сведениями из самого верного источника. Вот что они мне сообщили:

— Кюстрин действительно крепкий орешек. Наши войска, очистившие восточный берег Одера, не смогли сразу его занять. Правда, севернее и южнее этого города-крепости наши подразделения форсировали Одер и создали на западном берегу прочные плацдармы. Борьба за Кюстрин была исключительно тяжелой. Наши войска могли наступать только в узеньком треугольнике между берегами Одера и Варты. Гарнизон города, разделенного на боевые участки, получил строгие инструкции: лечь

костями, но не пустить русских в Кюстрин. Поэтому бой шел за каждый дом и квартал.

10 марта 1945 года.

Не было печали...

Сегодня с нами произошла забавная история. С Яковом Макаренко, правдистом, и Николаем Ковалевым, корреспондентом союзного радио, мы возвращались из батальона Войска Польского, действующего в боевом содружестве с нашими войсками. Мы спешили на телеграф. Хотелось скорее передать в газету корреспонденцию о том, как советские и польские части окружили и добивали корпус эсесовских войск.

Мы решили возвратиться в штаб фронта более короткой дорогой. Командир батальона майор Левкович предупредил: «В лесу бродят немецкие солдаты». Это нас не смутило.

Едем минут сорок. Ни встречных машин, ни впереди идущих. Шоссе безмолвно и пустынно. Вдруг шофер Иван Иванович Пронин, исколесивший со мной по дорогам войны около ста тысяч километров, трогает меня за руку:

— Товарищ майор, посмотрите направо!

Из леса к шоссе, наперерез нашему автомобилю, бегут немцы, человек пятнадцать. Вооружены автоматами и гранатами. Что делать?

Возвращаться? Поздно. Проскочить? Не успеем, да и совестно. Отстреливаться? Силы явно неравные. Решаем остановиться, выйти из машины и, если придется, принять бой. На нашем вооружении три пистолета и автомат... Но приходит неожиданная развязка: гитлеровцы, пробежав к шоссе, поспешно бросают оружие и поднимают руки. В недолгих переговорах выясняем — они хотят сдаться в плен и просят скорее доставить их под охрану наших солдат: командование СС послало за ними погоню, их могут убить.

Пленные стоят перед нами с поднятыми руками. Их оружие на земле. Они ждут решения. А мы не можем принять решения! Сопроводить их пешком — далеко, в автомобиле все не уместится. Вот уж, действительно, «не было печали!»

Пока мы советуемся, как быть, старшина Пронин устремляется на шоссе: навстречу несется грузовая машина. Ее-то на радостях мы и останавливаем. Ребята из трофейной команды забирают в кузов немецкое оружие, принимают на борт пленных и скрываются за поворотом. Мы облегченно вздыхаем.

Чего только не бывает на войне!

30 марта 1945 года.

Идет советская кавалерия

Над Померанским плоскогорьем, над сосновыми лесами, над полуразбитыми деревушками, — над всей округой, где только что гремели бои, сиял розовый закат. Тишина вместе с сумерками обволокла землю.

Вдруг послышался дробный цокот копыт и легкое похрапывание коней. Лихо взвилась веселая кавалерийская песня. Советские конники выходили на дорогу, ведущую в Берлин. Кони, как на подбор, рослые, одномастные в каждом эскадроне. Сбруя — кожаная, первосортная. Повозки, тачанки, кухни, фургоны блестят свежей зеленой краской. А кавалеристы — молодцы в кубанках, подтянутые, загорелые — выглядят красавцами.

Один офицер сказал мне:

— В таком виде не стыдно показаться не только в Берлине, а и в Москве!

Нескрываемое чувство удовлетворения светилось и на лице командира корпуса генерал-лейтенанта В. В. Крюкова. Его машина сновала по дорогам Померании. Генерал встречал полки на марше.

В этот вечер и я видел марш конников. Это они под командованием легендарного генерала Доватора громили немцев под Москвой. С генералом Крюковым совершали глубокие рейды по

Смоленщине. Первыми вырвались на Десну, форсировали ее. Прошли Белоруссию. Вклинились в немецкие колонны в Польше, а затем в Померании.

Накануне, перед походом, на офицерском собрании я слушал речь комкора. Он взволнованно говорил:

— Гордо пронесем наши победные знамена и еще раз прославим перед миром советскую конницу, нашу красную кавалерию!

Сколько славных подвигов скрывалось за этими словами генерала! Когда, рассекая немецкую оборону, конники Крюкова миновали Польшу и вышли к Померанскому валу немецкой обороны, кавалеристы из полка Хусима Алиева блокировали, взяли в плен или уничтожили гарнизоны тридцати дотов. Москвич Василий Таланов с небольшой группой спешенных конников атаковал многообразурный дот и выкурил из него семнадцать солдат, кричавших в безумном ужасе:

— Русская кавалерия! Сдаюсь! Гитлер капут!

Наши кавалеристы догоняли немецкие отступающие колонны, врубались в их ряды. Совершали глубокие ночные обходы и брали в стальные тиски большие группы фашистских войск. Потом по частям громили гитлеровцев

нешадно, пока те не поднимали руки, прося пощады.

В дни наступления у конников не было линии фронта в общепринятом понятии. Они за сутки несколько раз меняли курс, устремляясь туда, где появлялся противник.

Я проехал места, по которым прошли конники Крюкова. На пути лежали груды разбитой немецкой техники. Но вот совершенно целый немецкий городок Польцин, даже витрины магазинов без пробоин: кавалеристы взяли его лихим налетом — неожиданной ночной атакой.

Ночью кавалеристы эскадрона Сергеева с ошеломляющей скоростью устремились к городу. Миновав две деревни, в которых находилось по роте немецких солдат, они через час оказались в центре Польцина. Город спал. На станцию пришли два поезда. Один с танками и самоходками, другой — с беженцами. Их приняли наши кавалеристы.

Пока одна часть кавалеристов встречала поезда на станции, другая «осваивала» центр города. В домах еще кое-где сквозь шторы пробивался свет. По улицам, прижимаясь к стенам домов, шли люди.

Кавалеристы растеклись по переулкам. Сергеев с группой офицеров остался на площади. На него в темноте наскочил велосипедист. Сергеев прикладом сшиб его, схватил за шиворот,

поднял, осмотрел. Оказался немецкий майор — представитель комендатуры города, выехавший на поверку патрулей.

— Поздновато проверять патрули, — сказал Сергеев, усмехаясь, — город занят нами. Где расположены ваши основные части?

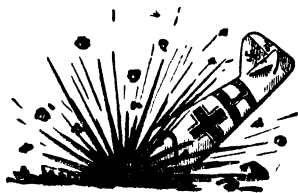
Гарнизон Польцина был разоружен. До рассвета конники взяли в плен несколько сотен немцев. К полудню Польцин был очищен от противника. Трофеи: 64 паровоза, 1200 вагонов, 700 платформ, 25 танков, 28 орудий, 8 складов с боеприпасами, коровье стадо в 5 тысяч голов.

Многие померанские города были захвачены конниками Крюкова так же, как Польцин.

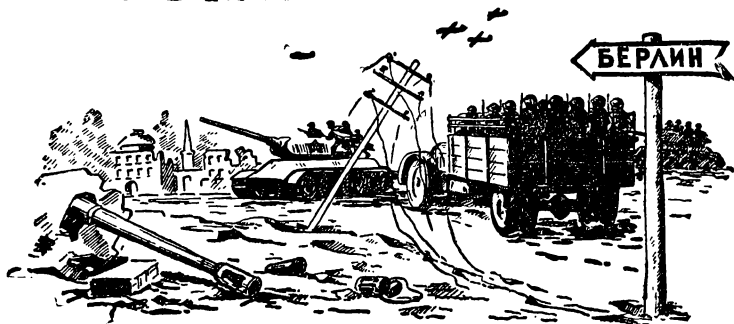
...Конники генерала Крюкова идут на Берлин. Идут с лихой песней навстречу новым, решающим боям. Их с улыбкой приветствуют наши пехотинцы, танкисты, артиллеристы, летчики.

Счастливого пути! До встречи в Берлине!

9 апреля 1945 года.

II. НА БЕРЛИН!

Ночью мы узнали, что сегодня нам предстоит сменить квартиры. Старшина корреспондентского корпуса 1-го Белорусского фронта Павел Трояновский сообщил: утром мы трогаемся на новые квартиры, в город Ландсберг. Туда уже выехали наши «квартирмейстеры» Ефим Гехман («Красная звезда») и Борис Афанасьев (ТАСС).

Опыт говорил нам: раз штаб фронта меняет квартиру, значит, начинается новая операция. Какая операция возможна в эти дни? Конечно, только заключительное наступление на Берлин, операция, которая призвана завершить всю войну!

Привыкнув за четыре года к передвижениям,

мы, ставшие в своем роде кочевниками, быстро готовимся к переезду. На этот раз мы ощущаем какой-то особый подъем, вызываемый предстоящим сражением.

Интересно, когда же мы, наконец, будем в Берлине?

14 апреля 1945 года.

Началось!..

Мы едем по дороге, ведущей на Берлин, минуем сосновые боры — так называемые Королевские леса. Через асфальтовые магистрали перекинуты плакаты: «Гвардейцы, впереди Берлин!», «Разобьем фашистскую Германию!»

Почти двести лет назад этими же путями шли на Берлин русские войска. В то время не было асфальтовых автострад, и леса стояли дремучие. Тогда в этих местах тоже утверждалась слава русского оружия.

В нескольких километрах на восток от Одера стоит небольшая немецкая деревенька Кунерсдорф. Фридрих Великий собирался разбить русские войска на полях у этой деревни. Как известно, вышло все наоборот. Русские армии наголову разгромили отборное войско Фридриха, а сам Фридрих чуть не попал в плен. Русские войска двинулись на Берлин.

Сейчас деревня Кунерсдорф стоит опаленная боем, разрушенная. Ныне, через двести лет, ей

не довелось стать местом новой исторической битвы. Немецкую деревушку на Одере взял один советский батальон. Иные времена, иные масштабы войны. Земли же, прилегающие к Кунерсдорфу, идущие по Одере на север и на юг, действительно стали свидетелями исторической битвы, неизмеримо более грозной и значительной.

Много рубежей и рек немцы превращали в валы и крепости, для пущей важности называли их неприступными. Много раз они возвещали миру: «Здесь русские армии будут остановлены и разбиты». Однако все рубежи, например, в Восточной и Центральной Германии, сметены лавиной зимнего наступления советских войск. Дивизии Красной Армии на широком фронте вышли к Одере.

Одер, можно сказать, — городские ворота Берлина. Сюда на защиту заранее подготовленных оборонительных рубежей переброшены стратегические резервы гитлеровской Германии. Десятки дивизий, стоявших до этого на западном фронте, в Италии и Норвегии, переведены к Одере. Шоссейные магистрали и автострады минированы. Все поля и луга на западном берегу реки — вплоть до Берлина — изрыты траншеями, защищены дотами и дзотами. Немецкая пропаганда из кожи лезет вон, восхваляя последний перед Берлином оборонительный рубеж.

Оборону берлинского района возглавляет сам Геббельс.

Наступил апрель. Войска союзников, переправившись через Рейн и не встретив серьезного сопротивления, двинулись по дорогам Западной Германии, направляя острие своего удара также на Берлин. Казалось бы, немцы должны перебросить на западный фронт часть своих сил с Одера. Но разведка на разных участках, показания пленных говорили как раз об обратном. Гитлеровцы не ослабляли, а усиливали свои позиции на Одере, совершенствовали здесь оборону. В передовые траншеи ставили обычные свои части. А за их спиной — во второй линии — эсэсовцев с пулеметами. Ясно, что гитлеровцы собирались держаться на этих рубежах до конца. Выбить их отсюда могли только мощный удар, мужество и железная хватка наших бойцов, мастерство офицеров и генералов.

Конечно, все ждали боя, уверенные в том, что это будет последнее сражение, венцом которого станет окончательная победа над фашистской Германией.

Догорал весенний день 15 апреля. Мы с Всеволодом Ивановым ехали в район Кунерсдорфа. По лесным дорогам к берегу Одера шли

полки, ехали обозы, спешили понтонеры; на опушках рощ, в укрытиях, стояли тяжелые пушки. На лицах всех, кого мы встречали в этот вечерний час, было выражение неподдельной торжественности. Кто из них, советских людей — солдат и офицеров — не мечтал о счастливом часе сражения, когда будет дана команда: «На Берлин!» И этот час приближался.

Боевые части двигались на исходные позиции, чтобы с рассветом начать штурм одерских укреплений, прорвать их и ринуться вперед дорогами, ведущими в германскую столицу.

Саперы вчера дали слово: за одну ночь под обстрелом противника навести через Одер понтонный мост. И, как мы узнали, слово свое они сдержали. Артиллеристы поставили орудия в боевые порядки пехоты, готовясь по сигналу в упор расстреливать немецкие укрепления. Связисты уже в полночь доложили: «Связь от роты до штаба армии работает отлично».

В эту ночь, пожалуй, никто не спал. Я сидел на наблюдательном пункте командующего 33-й армией генерал-полковника В. Д. Цветаева на самом берегу Одера. Впереди нас, в нескольких десятках метров, лежали в траншеях бойцы. После полуночи над одерской равниной спустился густой туман.

В начале шестого часа утра по реке донесся гул артиллерийской подготовки. Соседи начали

бой. Вскоре и на нашем участке раздался грозный марш войны: заиграла советская артиллерия. Сквозь туман прорывались отблески разрывов за Одером. На протяжении многих десятков километров завязалось сражение, подлинно историческое по своему значению.

На том участке, где я находился, к восьми часам утра передовые подразделения прошли с боями три километра. Соседи докладывали, что они продвинулись уже на шесть километров.

Фронт прорыва расширялся и углублялся.

На пути к телеграфу я видел наши танковые колонны, готовые ринуться в прорыв, полки советской кавалерии.

После полудня стало известно, что дивизии, идущие прямо на Берлин, вырвались вперед и на подступах к Зееловским высотам пропустили через свои ряды колонны танков.

16 апреля 1945 года.

Штурм Зееловских высот

Десятки шоссежных, железных дорог и автострад ведут к Берлину с востока. Обсаженные то кленами, то вишнями, а то и березами, сбегаются они к окружной Берлинской автострате и впадают в восточные пригороды германской столицы.

Теперь эти магистрали, будь то широкие асфальтовые и бетонные автострады или булыжные проселки,—все они залиты потоком советских войск. По одним движутся тяжелые танки и пушки. По другим, молодецки сдвинув набекрень кубанки, едут конники. По всем дорогам катятся на запад десятки тысяч автомашин со снарядами, минами, патронами, тянутся обозы. Все это стремится за пехотой и вместе с нею — на запад.

Чем ближе громовые раскаты боя, напоминающие по «тембру» многодневное сражение на Курской дуге, тем труднее проехать вперед: все пути заняты колоннами войск и техникой.

Дороги испещрены следами ожесточенной битвы: изрыты воронками, пересечены траншеями и рвами, завалены обгоревшими остовами танков и машин. Над ними висит густая мгла — пыль и дым.

Воздух пропитан едким запахом гари. Кругом стоит беспрерывный гул орудий, рев самолетов, лязг гусениц. На лицах солдат, офицеров, генералов — слой черной копоти.

Путь на Берлин с востока пролегает через естественные препятствия — хребет Зееловских высот, речушки и каналы, через узкие дефиле естественных и искусственных озер. Населенные пункты приспособлены для круговой обороны. Мосты взорваны, дороги минированы. Не дове-

ря солдатам переднего края и не надеясь на прочность своих укреплений, немецкое командование приказало артиллеристам вести огонь не только по нашим наступающим войскам, но и по своей пехоте, если она дрогнет и начнет отступать.

Но все это не помогло.

Уже пали такие города-крепости, как Брицен, Зеелов, Мюнхаберг, Франкфурт-на-Одере, Ораниенбург. Советские танки под командованием прославленных полководцев-танкистов М. Е. Катукова и С. И. Богданова вырвались вперед на Штраусберг. Грохот орудий и даже лязг гусениц слышен в предместьях Берлина.

Пути наступления наших войск усеяны вражескими трупами. Навстречу плетутся колонны пленных, которые не захотели умирать за фюрера и сочли дальнейшую борьбу бессмысленной.

Мы проехали по многим дорогам, ведущим на Берлин. Вот знаменитые Зееловские высоты. Сплошной гористый кряж своей обрывистой, почти отвесной стороной обращен к нашим войскам. На склонах высот змеятся линии траншей. Битву за эти высоты можно сравнить с высадкой морского десанта на скалистый берег. Да, это было чрезвычайно тяжелое сражение.

На этом участке мы встретили подполковни-

ка Наконечникова из штурмовой дивизии. Черный от пыли и гари, он стоял около подвижной радиостанции, наводя шестерки штурмовиков на цели. Посмотрев на эти высоты, он сказал:

— Для кино бы это снять, пусть посмотрели бы дети наши, какие рубежи брала советская пехота на пути к Берлину! Описать это трудно, надо показать.

Как описать, например, подвиг саперов, которые под орудийным огнем четырнадцать раз за одни сутки наводили мост через канал пятиметровой глубины с отвесными берегами... И победили. Мост был построен, по нему прошли танки и подавили своими гусеницами немецкие пушки, мешавшие саперам.

С каждым километром, приближающим наши войска к германской столице, возрастает натиск наступающих частей, окрыленных волей к победе.

20 апреля 1945 года.

Гром боя катится на Берлин

Чтобы перебраться на западный берег Одера в районе Кюстрина, нужно проехать по четырем мостам. Распадаясь на рукава, Одер здесь образует целую систему озер.

Надо бы, конечно, пленяться красотами весенней природы с яркой зеленью лесов и полей, с неумолчным гомоном птиц, домовито устраивающихся в густых зарослях ивняка. Но свое восхищение на переправах мы адресуем не красотам природы, а саперам и инженерным войскам. Это они под огнем противника в короткие сроки через все рукава разлившегося Одера построили десятки добротных мостов.

Если мы преклоняемся перед доблестью советского солдата, с гранатой в руках врывающегося во вражеские траншеи, вступающего в единоборство с немецким танком у самых стен Берлина, то не меньшую долю славы заслужили и эти труженики войны—саперы, понтонеры, бойцы инженерных войск.

Великая сила уверенности в победе привела войска маршалов Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, И. С. Конева к столице фашистской Германии.

Пожалуй, за всю войну я не видел такого подъема в войсках, какой царит здесь сейчас. Всеми руководит одно стремление: «Скорее в Берлин!» Берлин — теперь уже близкая цель — у всех на устах.

По песчаным дорогам обширного леса пехотинцы и артиллеристы руками тянут пушки, приговаривая:

— Ну, ну, родимая, скорее доставай огоньком Берлин!

Мы обогнали вереницу гаубиц. Их буксировали тягачи. На стволах пушек надписи: «Вперед, на Берлин!», а на лафетах приклеены отпечатанные в типографии лозунги: «Дадим первыми выстрелы по Берлину!» Один штабной офицер, прочитав такой лозунг, сказал артиллеристам:

— Опоздали. Сегодня, двадцатого апреля, в тринадцать часов десять минут первыми по Берлину стреляли орудия четвертой батареи капитана Миркина из дивизиона майора Демидова, бригады полковника Писарева. Они отправили в Берлин пятьдесят снарядов.

Расчеты тяжелых гаубиц забеспокоились:

— Откуда стреляли? Из района Верфтпфуль? Это еще не в счет. Вот мы часика через три ахнем, так ахнем. Прямо по рейхстагу!

Мы встречаем новые колонны пленных немцев. Среди них и кадровые солдаты — остатки немецкой армии, и седые, сгорбленные старики, и сопливые юнцы. Сын трактирщика Эрнст родился в 1928 году. В первых числах апреля его одели в военную форму и послали в окопы, защищать Берлин. Эрнст шел на командный пункт роты. А там оказались наши бойцы. Так он и попал в плен.

Другой пленный — командир роты говорил;

— Ваше наступление, его размах сокрушили не только оборонительные рубежи под Берлином, но и моральный дух солдат и офицеров немецкой армии. Теперь уже все говорят о неминуемом крахе. Дисциплина поддерживается террором. Командир нашей дивизии расстрелял своего шофера за то, что тот спросил: «Не лучше ли прекратить сопротивление?»

На оборону Берлина Геббельс бросил все силы.

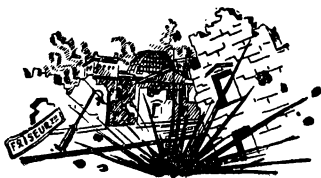
Чем ближе к Берлину наши войска, тем ожесточеннее и яростнее бои. Мы едем по следам наступающих частей армии генерал-полковника В. И. Кузнецова. За ночь войска армии протаранили последний лесной массив, прикрывавший Берлин с востока, и завязали бой за одно из его предместий. Штабы частей расположились в покинутых обитателями пригородных дачах.

В дачных районах мы впервые увидели огромные немецкие зенитные орудия, недавно применявшиеся для воздушной обороны Берлина. В последние дни эти орудия были повернуты против нашей пехоты и танков. Они не смогли защитить столицу от массовых налетов союзной авиации, не смогли остановить и лавину наших войск. Почти все зенитки, с их длинными жерлами, разбиты нашей артиллерией.

Дороги, проселки, тропинки заняты машинами, танками, пушками, людьми. Офицеры стоят на перекрестках и регулируют этот небывалый поток, название которому — русские идут на Берлин.

Гул моторов не умолкает. Советские самолеты проносятся на запад, бомбят узлы немецкой обороны уже в самой столице. Земля дрожит от грома орудий, разрывов снарядов и мин, сотрясая стены Берлина.

21 апреля 1945 года.

III. В БЕРЛИНЕ

Шумно и весело в нашем журналистском корпусе. Атмосфера душевного подъема и солдатской дружбы царит среди нас. Разъезжаемся по частям с самого утра. Приезжаем к телеграфу уже затемно, быстро выкладываем на бумагу горячие впечатления дня, а перед сном собираемся в чьей-нибудь квартире (теперь свободно: у каждого квартира или особняк) и вспоминаем пережитое.

Молчаливых среди нас нет. Но, признаться,

трудно превзойти Бориса Горбатова, прибывшего сюда на пополнение правдивской бригады. Говорит он быстрее всех, «чешет», как пулемет. И всегда интересно, с юмором, остро.

Сегодня каждый хвастался:

— Я был у артиллеристов, которые первыми ударили по рейхстагу.

— Позвольте, это я был у первых!..

Оказалось, каждая по крайней мере из полусотни батарей считает, что именно она первой била по рейхстагу.

— Ничего, потом разберутся, — резюмировал Горбатов. — Важно, что бьют по рейхстагу со всех сторон!

Действительно, со всех сторон. Чтобы не дать берлинскому гарнизону уйти, наше командование ведет операцию силами трех фронтов на круговой обхват Берлина, на быстрейший выход к Эльбе.

Каждый вечер мы, корреспонденты центральной прессы, уговариваемся, кто куда поедет. Уговариваемся для того, чтобы не собираться всем в одной армии, а охватить как можно больше участков заключительной битвы. Мы понимаем — это нужно и для истории.

Итак, начались бои в самом Берлине. Историческая битва! Исторические дни!

22 апреля 1945 года,

Пушки бьют по центру города

В Берлине идут жестокие, стремительные уличные бои. Мы миновали его пригороды: Вернойхеэ, Зеefeld, Блумберг. В штабе армии оперативник, склонившийся над картой — планом Берлина, рассказывает нам:

— Вчера вечером передовые полки завязали бои на северо-восточных окраинах, а сегодня дерутся уже на улицах города, клином прорубаясь к центральным кварталам. Только что получены сообщения: заняты водокачка, больница, районы Лихтенберг, Вильгельмберг, завод авиадвигателей «Аргус», газовый завод, еще один авиадвигательный завод, железнодорожная станция Панков — Шенеггаузе. Хотя немцы и обороняются с отчаянным упорством — все улицы пересечены баррикадами, завалены каменными глыбами, кирпичные стены превращены в крепости, — наши подразделения продвигаются вперед.

Только что я вернулся из штаба генерала Н. Д. Козина, соединение которого одним из первых ворвалось на столичные улицы. Противник не выдерживает. Вот выкинут белый флаг — шестьсот солдат, из них большинство фольксштурмисты, сдались в плен.

Оперативник указывает нам маршруты, и мы, охваченные общей волной этого невиданного подъема в войсках, устремляемся к линии боя.

Все пригороды заполнены народом.

По улице проносится колонна автомашин, привозивших на огневые позиции снаряды. На головной машине транспарант: «Мы побывали в Берлине!» Все приветствуют эту колонну. Вскоре мы встречаем людей, час, полчаса, несколько минут назад дравшихся на улицах Берлина. Вот попадаем на полковой пункт медицинской помощи. Бой идет рядом, в соседних кварталах. Там наши бойцы уничтожают немецкую оборону. Раненых все спрашивают:

— Ну, как дела? Далеко еще до рейхстага?

Лейтенант Андрей Малышко, раненный пулей, рассказывает:

— Будем и в рейхстаге, и в гитлеровской канцелярии. Уже не так далеко осталось. Моя вторая рота из первого батальона дерется героически. Да что говорить, сами понимаете—Берлин! На перекрестке улиц немцы соорудили баррикады и стали поливать наших из пулеметов. Бились мы около часа. Ничего не выходит. Смотрю, за углом стоит наша пушечка, сорокапятимиллиметровая. Бьет по одному дому. Я эту пушечку повернул на баррикады и под ее огнем поднял бойцов в атаку. Пробились мы за барри-

кады, сбили немцев, ворвались в дома, завязали рукопашную. Ну, вот, из соседнего дома через окно меня ранило пулей. Я еще около часа руководил боем, а потом ослаб, крови много потерял. А мои орлы дерутся!

Я беседовал с танкистами, саперами, связистами — с людьми, которые штурмуют столицу фашистской Германии. У всех на лицах была радость.

Боец несет какое-то знамя. Я спрашиваю:

— Где взял?

— На заводе, — отвечает он.

Подполковник — видимо, из оперативного отдела армии — просит солдата:

— Разрешите, я увезу это знамя в штаб.

Боец возражает:

— Нет, уж пусть сам командир нашего полка доставит его куда положено. Наш полк взял этот завод, наше и знамя. Не всякому полку, даже из нашей армии, доведется побывать в Берлине. Так что уж извините!

Около часа я стоял на тротуаре берлинской улицы, наблюдая все, что происходило перед глазами. По мостовой на больших скоростях неслись тяжелые советские танки, облепленные десантниками — автоматчиками. Стоявшие здесь люди приветствовали колонну криками восторга. Автоматчики, сидевшие на танках, махали им руками.

В небе над нашими головами непрерывно проносились штурмовики и шумные, быстрые, верткие истребители. Из ближайших садов и огородов била по центру Берлина артиллерия. Я посмотрел на группки мирных немцев. Лица их выражали растерянность и недоумение. Один из них, пожилой, не выдержал и сказал:

— Откуда у вас такая сила? Ведь нас уверяли, что русские разбиты еще под Москвой и на Волге, что наступают они на последнем дыхании...

Величественна картина боев на улицах Берлина! Разве это забудешь!

23 апреля 1945 года.

Заветная мечта осуществилась

В холодной ли землянке у озера Ильмень, в степи ли под Сталинградом, в просторах ли украинских полей или в палатках на белорусской земле — где бы мы ни встречали воина Красной Армии, какой бы разговор с ним ни заводили, он неизменно вставлял примерно такое:

— А знаете, о чем я часто думаю? О Берлине. Дойду я до него? Должен прийти. Если солдатская судьба не доведет меня туда, то друзья-то мои, земляки, непременно там будут. Вот бы

привет домой передать — да прямо из Берлина!

И вот сегодня на задымленной улице я встретил одного старшего сержанта. Кожаный шлем закрывал его волосы, уши, подбородок.

— Вы танкист?

— Нет, я командир самоходного орудия Киселев, Николай Афанасьевич. Понимаете, немного до центра не дошел. Пуля попала в руку. Спешу на перевязку, а то крови много потеряю. Перевязуюсь, и опять в машину. Рана пустяковая. Из-за нее время терять не стану. Бой-то какой идет! В Берлине! Мать моя узнает, ух! Голова кружится. Ее сын, Николай — и в Берлине!

Мне казалось, что он сейчас готов кого-нибудь схватить, меня или другого, обнять, расцеловать — отвести свою душу. Я спросил:

— А где мать-то живет?

— Да в Москве. На Второй Миусской, в доме четыре. Понимаете? Сын ее — москвич — одним из первых ворвался в Берлин! Зовут ее Пелагея Александровна. Все думаю, как бы ей привет передать.

— Давайте, передадим через «Известия»: напишу о встрече с вами, вот Пелагея Александровна и узнает.

Николай Киселев еще больше оживился:

— А это можно?

— Почему же нельзя? Ваш привет из Бер-

лина — это привет от имени тысяч бойцов своей Родине.

— Тогда уж передайте еще привет Надежде Никифоровне Лебединец, студентке Харьковского института инженеров коммунального строительства. Простите за откровенность... Она — моя невеста...

Меня окружили бойцы и офицеры, только что вышедшие из боя. Командир второй роты полка подполковника Затяпина — лейтенант Андрей Федорович Кулик — попросил:

— Жена моя работает в городе Чирчике секретарем горкома партии — Аксинья Григорьевна Гамалиева. Если бы она через газету получила от меня весточку!.. Еще прошу приветствовать мою мамашу — Ефросинью Тимофеевну Кулик из села Казначеевка Днепропетровской области. Пусть знает мать, что ее сын был одним из первых наших офицеров на улицах Берлина.

В разговор вступил молодой сержант:

— Я водитель самоходной пушки, Усачев Владимир Васильевич. В станице Беломечетской, на Ставропольщине, живут отец Василий Гаврилович, мать Акулина Гавриловна и младший брат Дмитрий. Сообщите им, что моя самоходка штурмует центр Берлина, что рода нашего я не посрамил.

Пока записывал адреса (понятно, я привел

здесь лишь немногие из них), родилась мысль передать и свой журналистский привет всем читателям, которые встречали мои строки в газете «Известия» и в дни обороны Москвы, и в дни героической Сталинградской битвы, и в те времена, когда мы шли по Украине, Молдавии, Белоруссии, Литве, Польше, Германии, и поздравить их с победой: наши войска вошли в Берлин!

Такие события происходят не каждый день. То, о чем советский человек не переставал думать с первой минуты войны, когда гитлеровские войска вероломно напали на нашу страну, свершилось.

24 апреля 1945 года.

Идут уличные бои

На улицы Берлина теперь можно попасть с разных сторон. Войска Красной Армии взяли германскую столицу в клещи.

Прежде чем ступить на берлинские улицы, сегодня я много километров проехал по охватывающей город окружной автостраде. Две широкие железобетонные ленты, разъединенные зеленеющим бордюром, проложены под десятками шоссейных и железнодорожных мостов. Автостраду ничто не пересекает. Вырвавшись на

автостраду с заполоненных нашими войсками шоссе́йных магистралей, машина мчится вокруг Берлина с большой скоростью. Наши регулировщики горделиво улыбаются.

Сделав несколько десятков километров по автостраде, мы выезжаем на шоссе и углубляемся в Берлин с северо-восточной его стороны.

Саперы на этот раз не строят, а разрушают: они убирают сооруженные немцами баррикады. Сапер, узбек с черным от загара лицом, объясняет мне:

— Нагородили этих самых баррикад — не только проехать, пройти невозможно. Мы их сносим, чтобы нашим войскам просторнее было на улицах.

В боевой обстановке советский солдат, как правило, немногословен. Совершенно иная картина в Берлине. Идет раненый сержант. Спрашиваю:

— Где ранило?

— Царапнуло только, товарищ майор, — отвечает сержант и начинает подробнейшим образом, во всех деталях рассказывать, как он и еще двое бойцов очищали большой четырехэтажный дом, как дрались в подвале и в гараже. — Восемнадцать немцев сдались нам в плен, четверых мы убили в бою. Казалось бы, все, дом очищен. Начали уже переходить к другому дому. Вдруг автоматная очередь из слухового окна под са-

мой крышей. Эсэсовец, гад, забрался туда и стреляет. Мы его, конечно, уничтожили. А меня вот пулей и царапнуло под ребро. Застряла где-то в мякоти и мешает, паршивая.

Сержант охотно закуривает предложенную папироску, глубоко затягивается и продолжает:

— По всему выходит: Берлину капут! Наши-то, я слыхал, за Шпрее уже рубаются. А моя часть где-то в центре города, плац какой-то очищает. Названия тут мудреные, не поймешь. У нас ведь, в России, все просто: улица — улица и есть. А тут — плацы, штрассе, аллеи. Теперь я уже беспокоюсь, успею ли залечить рану до парада Победы. Хочу под оркестр с нашими знаменами пройтись по этим плацам и штрассам.

Многоголосье уличного боя наполнено не столько грохотом артиллерийской канонады, сколько треском пулеметной, автоматной и ружейной стрельбы. В поле, в лесу линия фронта обозначается высотками, оврагами, рошицами. Здесь, в городе, нет сплошной линии фронта. Эта улица почти вся очищена от немцев, на ней уже стоит регулировщик. А на соседней — оглушительная ружейная пальба, там ликвидируются очаги сопротивления врага.

На улице, уже занятой нашими войсками, разгуливают автоматчики, зорко посматривая на дома, заглядывая во дворы: нет ли там немецких солдат и офицеров, притаившихся для уда-

ров в спину нашим войскам. Почти в каждом окне висит белый флаг.

В местах, что подалее от линии боя, штатские немцы высыпали на улицу и с любопытством разглядывают проходящие машины, подобострастно раскланиваются. Охотно объясняют названия ближайших улиц и даже описывают их достопримечательности.

В поведении берлинских немцев есть выражение некоторого удовлетворения всем происшедшим. Они понимают, что кошмар непрерывных бомбардировок для них окончился, что война завершается, хотя и полным поражением фашистской Германии, крахом гитлеровской машины. Тот берлинец, который дожил до сегодняшнего дня, может уже спать в квартире, а не в подвале, и спать спокойно.

На Берлинер-аллее встретили немцев, расчищающих мостовую от щебня и битого стекла. Но чем дальше мы углублялись по этой улице, тем безлюднее и мрачнее становилась она. Потом и всякий след машин оборвался. Мы свернули в переулок. Автоматная стрельба шла где-то рядом. К нам подбежал запыленный автоматчик.

— Тут с машиной находиться опасно, — сказал он, — вон там, за поворотом еще идет бой.

Пришлось послушаться автоматчика и отъехать квартала на три назад.

Здесь я встретил капитана Гордеева, командира пулеметной роты. Ему только что осколком гранаты ранило руку. Он крепко ругался, рассказывая:

— У меня семь станковых пулеметов впереди — ведут огонь вдоль улицы и по домам, в которых сидят немцы. Скажу вам одно: немецкие солдаты давно бы оружие сложили, но вот эсэсовцы, те их держат. Часа три назад мы прочищали одну улицу. Дашь очереди две по дому, и ждешь. Смотришь, из подворотни белый флаг покажется, потом несколько солдат выгянет. Посылаешь туда автоматчиков. Ну, и ведут человек десять, а то и больше. Казалось бы, все кончено. Так нет. В доме обязательно человек пять эсэсовцев сидит. С ними-то и приходится канителиться.

Сейчас, когда бои за Берлин идут с необычайным напряжением, ими живут наши войска всюду, от Бадтики до Карпат. На другой стороне улицы, в подворотне, я заметил нескольких советских офицеров. Решив, что это штаб части, я направился туда. Оказалось, что это не штаб, а группа сотрудников красноармейской газеты, которую редактирует подполковник Пикерман. Части, обслуживаемые этой газетой, дерутся на другом участке фронта — они идут сейчас

навстречу войскам союзников. Но бойцы и офицеры этих частей хотят знать о боях на улицах Берлина, и редактор прислал сюда своих сотрудников, чтобы описать эти бои.

25 апреля 1945 года.

Комендатура действует...

Нынешнее предмайское утро на центральных улицах Берлина началось громоподобной канонадой. Части Красной Армии, продвигавшиеся к центру Берлина с востока, уже знали, что соседи, вклинившиеся в городские кварталы с севера, успешно рассекают берлинский мешок пополам и начинают штурм прилегающего к рейхстагу района. Поэтому и там, где мы находились, готовился новый энергичный рывок в центр, увертюрой к которому и была артподготовка.

Огибая огромные завалы из щебня и железного лома, мы свернули в сторону Силезского вокзала и попали на большую площадь, в центре которой разбит сквер. В песке, среди пыльной зелени деревьев играли детишки. Тут же около водоразборной колонки выстроилась огромная очередь немцев, набиравших в ведра воду. Мирный сквер неожиданно загрохотал: ору-

дия батареи старшего лейтенанта Нечаева включились в общий хор. Меня удивило то, что ни детишки, игравшие в сквере, ни очередь, стоявшая за водой, никак не реагировали на происходившее рядом с ними. Один пожилой берлинец объяснил мне:

— Мы привыкли. У нас ведь почти не стихала стрельба зенитных орудий. А разрывы тяжелых бомб?!

На стене одного дома, обращенной к скверу, наши бойцы приклеили два огромных листа. На них по-русски и по-немецки излагались приказ командующего войсками 1-го Белорусского фронта Маршала Г. К. Жукова о том, что германская территория, занимаемая войсками фронта, является прифронтовой зоной и что вся власть на этой территории осуществляется военным командованием, и приказ начальника гарнизона и военного коменданта города Берлина генерал-полковника Н. Э. Берзарина о том, что вся административная и политическая власть в Берлине, по уполномочию командования Красной Армии, переходит в его руки.

Через минуту у стены дома около вывешенных приказов собрались сотни немцев. Люди выползли из щелей между развалинами, растаяла очередь, стоявшая за водой. И каждый, читая приказы, долго обсуждал их с соседом, а потом вместе они уходили — каждый по своему

делу. Немец любит порядок. Теперь ему известно, зачем и куда идти.

Мы уже знали, что в освобожденных частях Берлина власть районных военных комендатур устанавливалась немедленно после занятия Красной Армией улицы или квартала. Эта власть распространялась на все стороны жизни района.

Вчера в одном из переулков города мое внимание привлекла толпа штатских немцев. Я спросил:

— Что это за очередь?

— Здесь районная комендатура. Мы пришли регистрироваться.

Кругом бухали орудия, где-то рядом рушились здания, шел упорный, кровопролитный бой, а районная военная комендатура уже привлекла внимание немцев Фридрихсбергского района.

Я беседовал с районным комендантом, подполковником П. Н. Кузнецовым.

— Я ленинградец и, конечно, не мечтал стать комендантом одного из районов Берлина, — сказал он. — Но уж такова военная судьба! Вторые сутки тут жизнь налаживаем.

На улицах работали берлинцы, убиравшие завалы. У продовольственных лавок стояли очереди домохозяек, получавших доставленные нашими войсками продукты. К коменданту шли на регистрацию жители района. По первым данным, в районе осталось около двухсот тысяч

жителей. Комендант уже назначил исполнительную власть — бургомистра района. На роль бургомистра выделен влиятельный старожил района — юрист Пауль Лейке, беспартийный. Он в течение двадцати семи лет — с 1907 по 1934 год — был бургомистром этого района. Теперь бургомистр при поддержке советского коменданта организует снабжение хлебом, подвоз и выдачу мяса населению.

Но у коменданта много и других хлопот. К нему приходят люди с самыми различными вопросами. Одни заявляют, что они или бывшие коммунисты или социал-демократы и готовы включиться в любую работу, другие сообщают о складах военного имущества, третьи выведывают: отвечают ли они за то, что их сын служил в войсках СС?

Подходят на регистрацию и нацисты. В дверь коменданта раздается еле слышный стук.

— Войдите.

Через порог переступает долговязый немец с лицом, напоминающим свеклу.

— Что вам угодно? — спрашивает подполковник Кузнецов.

— Я Фишер Пауль, — отвечает долговязый, и вдруг весь сотрясается, точно в лихорадке.

Комендант недоумевающе смотрит на немца. Тот, заикаясь, продолжает:

— Я укажу вам на больших людей. Я был

только рядовым нацистом, я собирал членские взносы. А вот Лемке и Ковко — это фюреры, вы их задержите; я знаю, где они живут, я сам могу привести их сюда...

Во второй половине дня комендант выехал на только что освобожденные улицы района. Они, так же как и эти, уже «обжитые» улицы, заполнены народом.

Постепенно в Берлине налаживается нормальная жизнь, организуемая и руководимая советскими военными комендантами.

30 апреля 1945 года.

Первомайские «переговоры»

Первомай. Безветренный рассвет. Над зеленью садов, над цветущими яблонями и вишнями взошло весеннее солнце. На тех домах, в которых разместились части Красной Армии, подняты алые стяги.

На окраине Берлина я услышал раскатистые крики «ура». Это подразделения полков, вчера штурмовавшие кварталы Берлина, отвечали на первомайский приказ Верховного Главного командования, передававшийся по радио.

Проезжаем по празднично убранным улицам и попадаем на артиллерийские позиции. Сегодня

как-то по-особому торжественно поют наши пушки. Их залпы гулким и долгим эхом раскатываются над городом.

— Бьем по узлам сопротивления, в самом центральном секторе, — объясняет майор-артиллерист. — Сегодня здесь должны соединиться танкисты Богданова и Катуква, пехотинцы Чуйкова и Кузнецова. Словом, добиваем врага!

Первомай отмечен новыми победами. Штурмом взят Потсдамский вокзал. Во всех кварталах, где еще идет бой, наши войска сокрушают немецкое сопротивление, продвигаются вперед, приближая час развязки.

На тротуарах под прикрытием распутившихся кленов стоят самоходные пушки подполковника Ануфриенко. Эти орудия громили немецкую оборону от самого Одера, одними из первых ворвались в город, шли вперед по центральной оси города, разбивали дома — узлы сопротивления и завалы, прокладывая дорогу пехотинцам.

На подступах к Берлину и на улицах столицы фашистской Германии самоходчики Ануфриенко вывели из строя тридцать три немецких танка. Впереди — все время с пехотой — идет батарея старшего лейтенанта Красильникова. Боевой состав батареи действует не только огнем пушек, но, когда нужно, бросается вперед с автоматами и гранатами в руках.

Сейчас несколько тяжелых самоходных орудий укрылись под зеленью весенних кленов и ждут очередного боевого задания. Командир расчета Сиднев удовлетворенно говорит:

— Вот это действительно праздничек! Подумать только: над Берлином колышутся наши знамена. А где мы встречали этот день в сорок втором году? Под Гжатском. В двух часах езды от Москвы. В сорок третьем мы стояли в обороне под Орлом. Сколько отсюда до Орла? Посчитайте-ка. Пешком идти, пожалуй, две пары сапог износишь. Правда, прошлогодний Первомай мы отмечали уже за границей, за рекой Прутом, в Румынии. А теперь, вот изволите видеть, в Берлине!

Через час я попал на командный пункт генерал-полковника В. И. Чуйкова. С его именем связана битва на Волге, его войска снискали себе неувядаемую славу в наступательных походах по Украине, Польше и дошли до Берлина.

Генерал ходит в накиннутой на плечи шинели. Лицо его, усталое от бессонных ночей, озарено внутренним спокойствием, излучает твердую решимость и уверенность. Таким же я видел его и в Сталинграде осенью сорок второго года. Тогда командный пункт Чуйкова размещался в блиндаже, вырытом в прибрежном волжском песке.

Волга и Шпрее. Веки славы и мощи нашей армии. В минувших битвах, отошедших уже в историю, мы выковали оружие победы, отточили полководческое искусство наших генералов.

В. И. Чуйков в эти часы руководил боем. Он вел войска на штурм, требовал усилить артиллерийский огонь. Но генерал уже знал то, чего еще не знали войска. На рассвете первого мая на одном из участков его армии с белым флагом пришел к нашим позициям немецкий подполковник. Он спросил:

— Может ли советское командование принять парламентария для переговоров?

Ему ответили согласием. Вскоре в указанном месте с белым флагом появился начальник штаба немецких сухопутных войск генерал Г. Кребс. Его проводили на командный пункт генерал-полковника В. И. Чуйкова.

Вскоре немецкий генерал ушел восвояси. Наши войска возобновили свои «переговоры» с осажденными в Берлине немецкими войсками — на языке пушек, автоматов, пулеметов и гранат. Никаких уступок врагу! Поверженный враг должен сдаться на волю победителя безоговорочно.

Я спросил в штабе:

— Что можно узнать о результатах переговоров с генералом Кребсом?

Мне ответили:

— Ничего нового. Видите, бой возобновился. Пока это и есть наши «переговоры».

1 мая 1945 года.

Берлин сдался «на аккорд»

Весь день первого мая наступление продолжалось, так как в ходе переговоров выяснилось, что гитлеровцы пытаются избежать безоговорочной капитуляции. Надо было принудить их. Вечером вся артиллерия, участвовавшая в штурме центрального сектора Берлина, открыла мощный огонь по врагу. После полуночи немцы по радио взмолились о прекращении огня, а вскоре появился командующий обороной Берлина генерал Г. Вейдлинг и сообщил о согласии фашистского командования на безоговорочную капитуляцию.

Второго мая берлинское утро поразило нас необычной тишиной. Моросил мелкий дождь. Косматые тучи плыли над самыми крышами домов. Не было слышно не только грома пушек, но даже пулеметной и автоматной стрельбы. Невольно вспомнился прочитанный где-то рапорт генерала Чернышева в дни Семилетней войны.

Была такая строка в том рапорте: «Берлин сдался на аккорд. День был дождливый».

И сегодня день дождливый, и сегодня офицеры, которых я первыми встретил на улицах Берлина, здороваясь, поздравляли меня:

— С победой!

Я устремился в штаб генерал-полковника Я. Т. Черевиченко. Он подписывал репортажи о награждении бойцов и офицеров, отличившихся в уличных боях в Берлине.

— На моем участке боевые действия прекратились в восемь часов утра, — сказал генерал-полковник. — На некоторых других это произошло раньше. Сейчас наши полки принимают сдавшихся в плен немцев, если желаете — посмотрите!

Я пошел в полк подполковника Максимова. Путь лежал через горы щебня и железных обломков. Берлинские дома изглоданы снарядами, пулями автоматов. Еще вчера здесь были немецкие части.

Мне показали наскоро воздвигнутое укрепление, названное именем Геббельса. В укреплении было установлено тридцать крепостных орудий. Кроме орудийной прислуги, бастион имел гарнизон в 150 человек. Немцы надеялись, что бастион продержится месяцы. Но всего два дня шел здесь бой, и двадцать шесть из тридцати пушек разбиты. Оставшиеся в живых тридцать солдат

и офицеров гарнизона укрепления сегодня с белым флагом вышли навстречу нашим автоматчикам.

В штабе полка подполковника Максимова, кроме дежурного автоматчика, никого не оказалось. Все офицеры на улицах — принимают немецких солдат и офицеров, сдавшихся в плен. Из-под развалин, из каких-то ям и погребов выбирается городское население с узлами, чемоданами, кастрюлями.

Подошла очередная партия пленных. Полмесяца назад они были в пожарных командах противовоздушной обороны, еще вчера с автоматами в руках защищали Берлин. Они пережили кромешный ад, и теперь, пожалуй, вполне довольны своей судьбой: они живы. Наши бойцы конвоируют группу на сборный пункт.

Мы проходили дальше, к Вильгельмштрассе. Картина одна и та же — колонны пленных, горы сложенного оружия, языки пламени, лижущие развалины домов. Дряхлый немец лопатой отгребает щебень от подвала. Спрашиваю:

— Что там?

— Семья, — отвечает он.

Вскоре из ямы, куда не проникал свет, через отверстие вылезают девять человек. Они тоже довольны: и для них окончился ад. Непривычная тишина на улице несколько пугает их, они осторожно озираются. Потом опять лезут в

яму и начинают выкидывать оттуда свои пожитки.

Совсем рядом, через несколько дворов, другая картина. Цивильные немцы набросились на обувной магазин и тащат оттуда обувь на деревянной подошве, кто сколько может. Два наших бойца, оказавшиеся тут, стараются прогнать их, вразумить:

— Теперь тут наши порядки, и грабить нельзя!

Я проехал по многим улицам. Всюду народ. Берлинские женщины стоят на тротуарах, узнают в колоннах пленных своих знакомых и родных, которыми они когда-то гордились как покорителями Европы, от которых получали увесистые посылки из Парижа и Киева, из Праги, Виттебска. Теперь «завоеватели» такие жалкие, ошипанные.

Спрашиваем пленных:

— Где Гитлер?

— Говорят, покончил самоубийством.

— А Геббельс?

— Сегодня утром отравился вместе со всей семьей.

Берлин пал. Гарнизон его капитулировал. Но фашисты есть фашисты. На одном заводе засели два генерала с 1500 солдатами и офицерами. Генералы прислали своего парламентаря:

— Хотим знать условия капитуляции.

Им ответили коротко:

— Если к 17 часам не сдадитесь, откроем огонь из орудий.

Генералы не стали дожидаться артиллерийского залпа.

Весь день по улицам Берлина шли колонны пленных. Шли они и всю ночь. Над рейхстагом полыхало красное знамя — наше Знамя Победы.

2 мая 1945 года.

IV. НАШЕ ПРАВОЕ ДЕЛО ТОРЖЕСТВУЕТ

Трудно передать то душевное состояние, в котором я нахожусь сейчас. Только что отъез на телеграф корреспонденцию в «Известия» о том, как Берлин сдался «на аккорд». На улицах творится нечто стихийно-торжественное. Вдруг гремит залп из винтовок или пистолетов: каждая часть, каждое подразделение по своему усмотрению салютует в честь одержанной победы над самым страшным врагом, какого знало человечество. Из многих домов льется вольная солдат-

ская песня. Поют слаженно, дружно, проникновенно. Приняв фронтовую чарку, сердца победителей потеплели, и душа изливается в песне.

У нас, у писателей и журналистов, тоже не обошлось без песни. Вспомнили мы и о друзьях-товарищах, которым не довелось дойти до Берлина. И вдруг все заговорили об одном: а куда, в какую часть ехать завтра, на какой участок боя? Некуда ехать! Все! Битва у нас на фронте окончилась!

Осталось оформить нашу победу и капитуляцию Германии, съездить в гости в те дивизии и полки, с которыми сдружились за последние месяцы.

А дальше?

В Москву! Домой!

Только что разослали телеграммы корреспондентам центральных газет и агентств на соседних с нами фронтах: приезжайте 5 мая, в День печати, в Берлин, к рейхстагу!

А сейчас мы, известинцы, всей дружной командой — Всеволод Иванов, Лев Славин, я и недавно приехавший к нам начальник военного отдела газеты полковник Н. А. Баканов — едем в центр поверженного города. Отныне Берлин никогда не должен снова стать центром чудовищного международного разбоя. Этого больше нельзя допустить.

Утро 3 мая 1945 года.

В логове фашистского зверя

Берлинская тишина все еще кажется непривычной — не только советскому солдату, пришедшему сюда с горячими боями, но, пожалуй, и берлинцам. Оборвалась артиллерийская канонада. Умолкли залпы зениток и оглушительные разрывы тяжелых фугасных бомб.

Тишину майского дня нарушают лишь одиночные взрывы мин, заложенных фашистами в развалинах, да редкая автоматная очередь: наши бойцы прочесывают развалины дома, в котором засел какой-то фанатик-эсэсовец.

Берлинцы вышли из подвалов, откопали свои семьи из глубоких ям. Они бредут по улицам, кто к своим, чудом уцелевшим жилищам, кто в поисках хоть какого-нибудь приюта — пусть без окон и дверей, но только не под землей, а такого, чтобы видеть солнце, дышать свежим воздухом.

Десятки тысяч берлинцев подметают улицы, разбирают ими же сооруженные баррикады, заваливают огромные воронки, испятнавшие улицы и набережные. Сейчас на этих прибранных улицах особенно людно.

По тротуарам проходят советские патрули. Красные повязки на рукавах гимнастеров отличают их от других военнослужащих. Берлинцы

уже знают, что к ним можно обратиться за справкой, узнать адрес районной комендатуры, получить разъяснение о последних приказах и распоряжениях советского командования.

По узким проходам улиц, лавируя среди битого кирпича и щебня, поток автомашин устремляется к центру города, в район бывших правительственных учреждений фашистской Германии. К имперской канцелярии приехали многие офицеры и солдаты не только 1-го Белорусского фронта, но и 1-го Украинского и 2-го Белорусского фронтов. Их интерес к этим местам вполне понятен.

Над одним из входов в имперскую канцелярию — лепной орел с отбитой свастикой — ее задел наш снаряд. В проем двери, заваленный книгами, из которых была сооружена баррикада, проникаем в здание, занявшее целый квартал. Ходим по апартаментам час, другой. Нет ни одной уцелевшей комнаты. Толстые стены пробиты гаубичными снарядами. В потолках с железобетонными перекрытиями зияют огромные дыры. На паркете валяются разбитые люстры, бумаги, папки.

У входа в одну из комнат — дощечка: «Адъютант фюрера». Около этой дощечки фотографируется группа наших офицеров. Один из них с иронической улыбкой дарит мне черную коробку.

— Хотите сувенир? — спрашивает он. — Вот вам высший немецкий офицерский орден! Его обычно в торжественной обстановке вручал сам фюрер, а сейчас, как видите, такие ордена валяются под ногами.

Кто-то берет «на память» бланк из блокнота начальника рейхсканцелярии, кто-то — пропуск в квартиру и канцелярию фюрера.

Зашли мы и в бывший кабинет бесноватого. Картина та же, что и окрест его: на полу валяются бумаги, никому теперь не нужные ордена. В углу стоит огромный глобус. Немногословный Всеволод Иванов изрекает:

— Удивительное дело, друзья. Мы в кабинете Гитлера. А Гитлер-то — мертв!

Все, кто ходит сейчас по рейхсканцелярии, спрашивают друг друга:

— Где же в последние дни жила вся фашистская свора?

Знающие отвечают:

— Здесь же, но под землей.

Выходим на площадь и попадаем в имперскую канцелярию с боковой стороны. Огромный вестибюль, из него — лестница, ведущая в гитлеровскую «берлогу».

На одной из площадок на байковом одеяле лежит труп, внешне чем-то напоминающий Гитлера. Кто-то его фотографирует. Спрашиваем:

— Гитлер?

— Возможно, и он, а может быть, и нет.

Мы еще раз огибаем здание и попадаем в другой отсек подземелья. Сейчас в одном из вестибюлей устроено нечто вроде госпиталя для раненых пленных — чинов охраны и различных служб имперской канцелярии. Зло и молчаливо поглядывают на нас эти живые остатки былого величия фашистской Германии.

Встречаем майора Старченко — коменданта центрального района Берлина. Он уже обследовал все подземелье и охотно рассказывает нам о том, что видел:

— Под землей несколько этажей с огромным количеством комнат. Последние недели там жили Гитлер, Геринг, Геббельс, Гиммлер, Риббентроп, их прислуга и охрана. Под землей же были оборудованы радиостанция, гаражи. В этом подземелье вожди фашистской Германии создавали свои безумные планы и подписывали людоедские приказы. Но, как вы уже знаете, кто отравился, кто застрелился, а кто успел и убежать.

— Как они жили? — сердито выругавшись, продолжает майор Старченко. — Мы пока обнаружили около тысячи чемоданов с вещами, принадлежавшими обитателям подземелья. Запасов еды и вина им хватило бы на несколько лет.

Работники советской комендатуры имперской канцелярии москвичи Иван Рыбкин и Егор Клишкин приглашают нас в бывшие покои Геббельса, в его последний кабинет. Каково же было наше удивление, когда мы увидели в этом кабинете наших коллег — Виктора Полторацкого и Сашу Булгакова, махнувших в Берлин с 1-го Украинского фронта! Объятия, поцелуи. Лейтенант Клишкин требует:

— Виночерпия!

Появляется высокий, грузный, пожилой немец.

— Шампанского! — приказывает лейтенант Клишкин.

Вскоре этот бывший виночерпий Гитлера возвращается с полдюжиной бутылок, наливает фужер и пьет первым. Лейтенант Клишкин говорит:

— Стоит выпить бокал именно этого вина, именно здесь, за нашу Москву, товарищи!

Мы пьем стоя. Всеволод Иванов замечает:

— Необыкновенно! Все это необыкновенно, друзья!

Сегодня же, третьего мая, мы были и в рейхстаге. Около рейхстага и в его разрушенных залах и комнатах полно людей в солдатских шинелях. На стенах апартаментов надписи: «Вот и дотопал я до тебя, Берлин! Ура!», «Здесь был

я, ленинградец Кривин», «Был и собственноручно расписался Попейко»...

В одной из комнат мы увидели весьма колоритную картину. Солдат, разувшись и положив свернутую шинель около стены, развел на цементном полу костер. Из обрезка листового железа он соорудил небольшую сковородку. В ней шипели четыре разбитых яйца с расплывшимися желтыми «глазами». Встретив нас улыбкой, солдат сказал:

— Не хотите ли отведать? Всю войну мечтал о таком завтраке. Мировая глазунья! А, главное, где поджарена!

У колонн рейхстага фотографируются солдаты и офицеры. Крепкие солдатские объятия, поздравления.

Многие солдаты и офицеры хотели побывать в берлинских музеях. Но музеи пусты — в одних ничего нет, другие разрушены. В картинной галерее мы прошли не только по пустым залам, но заглянули и в подвалы. Лишь в одном нашли полотна, упакованные в ящики. Все подвальные помещения заняты домашним скарбом и утварью жителей прилегающих кварталов, которые живут здесь уже по году, и больше.

День догорает в алом закате. Улицы Берлина пустеют. Немую тишину нарушают лишь равномерные шаги наших патрулей.

3 мая 1945 года.

Советские журналисты у рейхстага

Возле главных дорог нашего наступления на Берлин — свежие могилы. Холмики земли убраны цветами и увенчаны красными обелисками. Здесь похоронены герои наступления на Берлин, бойцы и офицеры Красной Армии, отдавшие свою жизнь за честь и независимость нашей Родины в последние дни войны.

На одном из обелисков надпись: «Военный корреспондент майор А. М. Малибашев».

Сашу Малибашева, военного корреспондента ТАСС, мы хоронили на днях. Он, так веривший в грядущую победу, прошедший с войсками путь от Кавказа до Будапешта, не дошел до Берлина всего нескольких десятков километров. В дни штурма Зееловских высот, прикрывавших подступы к Берлину. Малибашев был на командном пункте стрелкового полка, и там вражеский снаряд оборвал его жизнь. Мы, военные корреспонденты на 1-м Белорусском фронте, похоронили своего друга и соратника в Ландсберге, отдав ему подобающие воинские почести.

С первых дней войны сотни писателей и журналистов — сотрудниками ли дивизионных и армейских газет, специальными ли корреспондентами центральных газет и агентств — прошли с

армией весь сложный, почти четырехлетний фронтовой путь.

Советского журналиста в дни боев или затишья можно было встретить и в землянке переднего края, и на командном пункте полка или батальона, и на огневых позициях артиллерийских батарей.

Военный журналист своими глазами видит бой, беседует с его участниками. Положив блокнот на колени, пишет рассказ о виденном и слышанном и всеми путями стремится как можно скорее доставить написанное в свою газету, чтобы завтра читатели по его заметкам могли судить о ходе войны, узнавали бы о беззаветной храбрости наших бойцов и командиров.

Военный корреспондент, кем бы он ни был: сотрудником дивизионной газеты или прославленным советским писателем, он прежде всего был воином и нес все тяготы войны, не зная отдыха в походах. На машине ли, верхом ли на лошади, а нередко и пешком — он спешил с одного участка боя на другой. А если нужно, если этого требовала обстановка, военный корреспондент заменял выбывшего из строя командира подразделения и руководил боем. Пример тому — подвиг майора Сергея Борзенко, ныне Героя Советского Союза.

Все же основная обязанность журналиста состояла в том, чтобы как можно больше узнать о

происходящем, увидеть это своими глазами, проникнуть в центр событий, а потом поведать обо всем читателям. Мы знаем, как в ходе боев творчески росли многие военные корреспонденты, уже в годы войны ставшие известными всей стране литераторами.

Сегодня, 5 мая, в День печати, по зову корреспондентов 1-го Белорусского фронта, сюда, к рейхстагу, съехались товарищи по профессии с соседних фронтов. Сколько объятий и воспоминаний!

— А помнишь?..

Военные корреспонденты измерили самые дальние пути войны. В трудные для страны минуты они были и под Москвой, и в Ленинграде, на Волге под Сталинградом, на Кавказе...

Здесь собрался многолюдный журналистский корпус. Вместе с нами тут Всеволод Иванов и Василий Гроссман, Борис Горбатов и Лев Славин, Борис Галин, Евгений Габрилович, наши известицы Кармен и Виктор Полторацкий, Александр Булгаков и Николай Баканов, правдисты Иван Золин, Мартын Мержанов, Яков Макаренко и Яша Рюмкин, из «Красной звезды» Николай Денисов, Павел Трояновский, Ленья Высокоостровский, Ефим Гехман, тассовец Борис Афанасьев, Безыменский — не комсомольский поэт Саша, а его сын Лев, Николай Королев из союзного радио, Жора Пономарев.

представляющий Совинформбюро, и многие, многие другие.

Я смотрю на фронтовых друзей, выстраивающихся на ступенях лестницы, ведущей в разрушенный рейхстаг, чтобы сфотографироваться на память об исторической победе, и думаю: какие же сокровища накопились у каждого из них — их записные книжки, заметки в дневниках! Эти документы неоценимы для будущих историков и романистов — они заполнены драгоценной россыпью фактов, впечатлений, наметками характеров людей в серых шинелях. Придет время, и все это будет облечено в должную литературную форму, станет достоянием человечества.

Думаю я и о тех журналистах, которые не смогли прийти сегодня к рейхстагу — о Малибашеве, Лидове, Сувинском, Кузнецове, Калашникове, Трошкине, Лилояне, Олендере, Галышеве, Розенфельде, Лапине и Хащреvine и многих других — они, верные сыны Родины, погибли на поле брани в боях с фашизмом...

Да, необычный сегодня у нас День печати...

5 мая 1945 года.

**Фашистская Германия
подписала безоговорочную
капитуляцию**

Долгожданный день наступил. Рано утром меня вызвали в Военный совет фронта и вручи-

ли удостоверение, подписанное членом Военного совета фронта, генерал-лейтенантом К. Ф. Телегиным. В удостоверении сказано: «Предъявителю сего корреспонденту майору Кудреватых Л. разрешается присутствие и работа на аэродроме и в залах заседаний на особом мероприятии, проводимом командованием 8 мая 1945 года». Когда я расписался в получении удостоверения, последовало разъяснение:

— Особое мероприятие — это капитуляция фашистской Германии. Мы, конечно, понимаем, что на этом историческом акте хотели бы присутствовать все корреспонденты центральных газет, представленные на нашем фронте. Но мы лишены возможности предоставить места всем. Для советской прессы устанавливается такое же ограниченное количество — семнадцать мест, как и для прессы при войсках союзников. Просим разъяснить это обстоятельство вашим товарищам.

Итак, едем на заключающий войну торжественный акт.

Удостоверение я постараюсь сохранить. Оно — историческое.

8 мая 1945 года, утро.

Восьмое мая 1945 года... Этому дню будут посвящены книги. Хроника его войдет в учеб-

ники и справочники. Запомнятся имена участников знаменательного события, а места и здания, связанные с ним, станут достопримечательностями.

День выдался солнечный. Туманная дымка с едким привкусом гари окутала кварталы Берлина. Знакомыми дорогами мы проезжаем по улицам города, ведущим к аэродрому Темпельгоф.

Огромное летное поле, еще несколько дней назад служившее местом жаркого боя, сегодня прибрано. Зеленеет трава. Тянутся к солнцу цветы.

На аэродроме нетерпеливое ожидание. Все взволнованы предстоящими историческими минутами. Берлин, капитулировавший перед советскими войсками второго мая, через шесть дней стал местом безоговорочной капитуляции всей фашистской армии, поставленной на колени согласованными действиями союзных войск.

Доносится ровный гул моторов. Появившаяся в дымке точка увеличивается. Сделав круг, идет на посадку самолет «дуглас»; в 11 часов 20 минут пришел самолет из Москвы с представителями военных миссий союзников, аккредитованных в нашей столице.

Маршируют на аэродром пехотные подразделения гарнизона Красной Армии в Берлине во главе с полковником Лебедевым — почетный ка-

раул для встречи представителей командования союзных армий.

С каждой минутой нетерпение ожидающих нарастает. В 12 часов 50 минут с летного поля взмыли в воздух восемнадцать советских истребителей, ведомых участником воздушных боев над Волгой майором Тюлькиным. Они идут на запад, навстречу самолетам с представителями командования союзных армий.

Проходит еще час. До аэродрома доносится размеренное гудение моторов тяжелых машин. В туманной дымке вырисовываются силуэты «дугласов». Сделав над аэродромом два приветственных круга, первым идет на посадку самолет серебристого цвета с опознавательными знаками союзной авиации. Машина подруливает к бетонной площадке. Разворачивается.

Десятки советских фотокорреспондентов и кинооператоров устремляются к машине, чтобы запечатлеть момент вступления на берлинскую землю первых американских и английских генералов. Открывается дверь, из кабины выходит представитель Верховного командования Великобритании, главный маршал авиации А. Теддер. Он в темно-сером военном кителе и в пилотке такого же цвета. За ним следует командующий стратегическими воздушными силами США генерал К. Спаатс. Их сопровождают офицеры и корреспонденты союзной прессы.

Представителей союзного командования встречают и приветствуют начальник штаба 1-го Белорусского фронта генерал армии В. Д. Соколовский и комендант Берлина генерал-полковник Н. Э. Берзарин. Сводный оркестр исполняет гимны великих союзных держав. Реют на ветру государственные флаги союзников. Полковник Лебедев отдает рапорт сэру Теддеру. Представители командования Красной Армии и армии союзников обходят почетный караул.

— Этим приемом,—говорит маршал А. Теддер,— нам оказана большая честь!

В ответ над аэродромом гремит многократное «ура».

Сэр Теддер подходит к микрофону. Он говорит:

— Я являюсь представителем главнокомандующего Эйзенхауэра и уполномочен провести всю работу на предстоящей конференции. Я очень рад приветствовать советских маршалов и генералов, а также войска Красной Армии. Особенно я рад тому, что приветствую вас в Берлине. Союзники на Западе и на Востоке в результате сотрудничества проделали колоссальную работу. Мне оказана большая честь — передать самые теплые приветствия нашему русскому союзнику.

В это время по аэродрому проходят прибывшие представители разгромленной германской

армии. Фельдмаршал В. Кейтель, адмирал флота Г. Фридебург и генерал-полковник авиации Г. Штумпф прибыли в Берлин для того, чтобы подписать акт о безоговорочной капитуляции.

Сторонкой шагает эта группа немецких генералов. Понурые, они идут мимо государственных флагов союзных стран, развевающихся над Темпельгофом.

В два часа дня приземляется самолет с представителями французских вооруженных сил во главе с главнокомандующим французской армии генералом Ж. Делатр де Тассиньи.

Длинная вереница автомобилей с представителями советского командования, командования союзных армий, журналистами и кинооператорами тронулась с аэродрома по улицам Берлина. Машины шли то по гладкому асфальту подметенных улиц, то объезжали обломки разрушенных зданий или воронки от бомб, местами вскрывавшие тоннели метро. На перекрестках стояли наши регулировщицы, дошедшие до Берлина по дорогам войны. Руки, затянутые в белые перчатки, ловко взмахивали флажками, красиво и отчетливо отдавали приветствия.

Из домов, с развалин на кавалькаду автомобилей смотрели жители Берлина. Кейтель не поднимал глаз. Он делал вид, что просматривает газету. Он боялся прочесть в глазах берлинцев ненависть и презрение. Ему страшно бы-

ло взглянуть на улицы столицы, превращенные в развалины.

Скоро колонна выехала на Франкфуртераллею. Эту широкую улицу завершает только что построенная арка Победы. На высоких колоннах арки — государственные флаги великих союзных держав, и золотом горят слова: «Слава Красной Армии!» А на небольших колоннах, бегущих от арки Победы в обе стороны, — золотые цифры: «1945» — в этом году Берлин пал под натиском Красной Армии, в этом году в Берлине встретились представители союзного командования, в этом году фашистская Германия безоговорочно капитулировала.

Машины свернули в район Карлсхорста и остановились возле уцелевших от бомбежек и обстрела коттеджей на Цвизеллер-штрассе и Рейнштайн-штрассе. Здесь размещаются представители союзного командования.

Через сорок минут маршал Теддер и генерал Делатр де Тассиньи нанесли визит командующему войсками 1-го Белорусского фронта, Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову. Маршал Жуков, здороваясь с гостями, сказал:

— Я рад приветствовать вас в Берлине, занятом Вооруженными Силами Советского Союза.

Сэр Теддер передал маршалу Жукову личные приветствия от генерала Эйзенхауэра и по-

здравил маршала и в его лице все командование Красной Армии и ее бойцов с победой.

К маршалу Жукову обращается генерал Делатр де Тассиньи. Он передает приветствия от генерала де Голля.

Руководящие военачальники командования Красной Армии и союзного командования остаются на совещание.

Пока идет совещание, представители командования союзных государств, советские и иностранные корреспонденты, генералы Красной Армии осматривают здание, в котором через несколько часов состоится историческое заседание.

В доме на углу Цвизеллер-штрассе и Рейнштайн-штрассе ранее размещалось военное инженерно-техническое училище. Большое массивное здание снаружи отделано серым гранитом. Широкая лестница с колоннами по сторонам ведет во внутренние покои. Все комнаты прибраны, свежее выкрашены. Горят большие люстры. На дверях у входа — слова приветствия на языках союзных наций.

Ковровые дорожки ведут в главный зал. Через пять огромных окон в зал заседания вторгается весеннее солнце. На правой от входа стене — флаги СССР, США, Англии и Франции. Под флагами — длинный стол, покрытый серозеленым сукном. Во всю длину зала стоят два

других стола, покрытых таким же сукном. Все строго, просто и в то же время торжественно.

Внутри зала операторы кинохроники, фоторепортеры советской и союзной прессы расставляют аппаратуру, выбирают точки для съемки. В соседних комнатах работают корреспонденты. Сегодня все средства связи предоставлены в распоряжение прессы. В одной из комнат, прилегающих к залу заседаний, стоит телефонный аппарат, связывающий Берлин с Москвой.

Корреспонденты союзных с нами стран уже передали свои первые материалы и поехали осматривать поверженный Берлин.

К вечеру в здании, где предстояло заседание, началось оживление. Здесь мы видим прославленных генералов Красной Армии: генерал-полковника М. С. Малинина, генерал-полковника В. И. Чуйкова, генерал-полковника С. К. Горюнова, генерал-полковника Н. Э. Берзарина, генерал-полковника танковых войск С. И. Богданова и многих других.

Полночь. Напряженная тишина. Через пять минут в ярко освещенный зал входят Маршал Советского Союза Жуков, маршал авиации Англии Теддер, за ними — представители командования вооруженных сил союзников и Красной Армии. Жуков, Теддер, Спаатс, Делатр де Тас-

синьи занимают места за столом президиума. За средним столом — генералы Красной Армии, генералы и офицеры союзных армий. За правым столом — представители советской и иностранной печати. Зал освещен юпитерами. Щелкают затворы фотоаппаратов.

Конференция началась.

Сорок пять минут продолжалась несложная, но примечательная процедура подписания акта о безоговорочной капитуляции Германии. Фашистская держава рушилась бесславно в тиши карлсхорстского особняка.

Когда все заняли свои места, маршал Жуков обратился к присутствующим:

— Господа, мы собрались здесь по уполномочию Верховного Главнокомандования Красной Армии — заместитель Верховного главнокомандующего Маршал Советского Союза Жуков, по уполномочию Верховного главнокомандования экспедиционных сил союзников — главный маршал авиации Теддер; здесь также присутствуют генерал-полковник Спаатс, от французской армии генерал Делатр де Тассиньи — для того, чтобы принять условия безоговорочной капитуляции от командования вооруженных сил Германии. Я предлагаю приступить к работе и пригласить сюда уполномоченных германского командования для принятия условий безоговорочной капитуляции.

Через несколько минут в центральную дверь входят фельдмаршал Кейтель, адмирал Фридебург, генерал-полковник Штумпф в сопровождении адъютантов.

Даже и здесь, и в эту минуту Кейтель пытается играть, казаться значительным. Он входит. На секунду задерживается у стола, поднимает свой жезл и блуждающим взглядом обводит зал. И садится. Садится грузно, тяжело. Первый румянец заливает холеное лицо немецкого фельдмаршала, одного из ближайших сотрудников Гитлера. Руки Кейтеля не находят себе места. То он тербит подбородок, то подбрасывает монокль, то судорожно шарит по чистому сукну на столе.

Маршал Жуков, пока идет заседание, ни разу не посмотрел в сторону немецких представителей. Он говорит:

— Господа, сейчас предстоит подписание акта о безоговорочной капитуляции Германии. Я обращаюсь к представителям германского Верховного командования с вопросом: имеют ли они на руках текст акта о военной капитуляции, ознакомились ли они с ним и готовы ли они, как представители Верховного главнокомандования немецкой армии, подписать этот акт?

Маршал Теддер повторяет это обращение на английском языке.

Кейтель озирается, его нижняя челюсть дрожит. Он снимает монокль и глухо, еле слышно, произносит:

— Я согласен.

Маршалу Жукову передается документ, подписанный гросс-адмиралом К. Дёницом, уполномочивающий Кейтеля как шефа командования вооруженными силами и одновременно как командующего армией, Фридебурга—как командующего военно-морскими силами, Штумпфа — как представителя воздушных сил — подписать акт о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил.

В зале воцаряется тишина.

Фашистская Германия согласна на безоговорочную капитуляцию всех вооруженных сил Германии на суше, на море и в воздухе.

Кейтель продолжает играть. Он смотрит в зал, ждет, что ему поднесут текст акта, но маршал Жуков указывает на столик около президиума и отдельно произносит:

— Пусть представители немецкого командования подойдут сюда, к столу, и здесь подпишут акт!

Фельдмаршал Кейтель медленно поднимается, тяжелой походкой идет к указанному месту, садится на стул, вставляет монокль, трясущими руками достает вечное перо, медленно открывает его и ставит свою подпись на трех текстах

акта, написанных на русском, английском и немецком языках. Поднимается. Уходит на свое место. Нервно натягивает перчатки, растерянно смотрит в зал.

В это время к столу, где лежат тексты акта, торопливо подходит адмирал Фридебург. Он услужливо кланяется, судорожно схватывает ручку, торопливо ставит свою подпись, встает, опять кланяется, мертвенно бледный, и понуро плетется на свое место. Последним подписывает акт генерал-полковник Штумпф.

Теперь документ, ставший надгробным памятником гитлеровской Германии, переходит на подпись к маршалу Жукову, маршалу Теддеру, генералу Спаатсу и генералу Делатр де Тассиньи.

Безоговорочная капитуляция Германии стала фактом.

Война победоносно окончилась полным разгромом фашистской Германии.

Маршал Жуков, указывая на дверь, предлагает немецкой делегации оставить зал заседаний. Торопясь, толкая друг друга, немецкие генералы во главе с Кейтелем покидают зал.

В раскрытые окна струится весенняя прохлада. Маршал Жуков поднимается и пожимает руку маршалу Теддеру.

— Поздравляю вас с победой!

Все присутствующие в зале поздравляют друг друга с историческим событием.

Победа!

Война окончена!

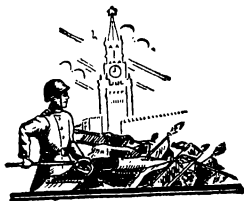
Германия повержена!

Заседание исторической конференции закрывается.

Так проходил этот исторический день. Так победоносно для Красной Армии и вооруженных сил союзников завершилась война.

С победой, товарищи!

9 мая 1945 года, 2 часа 00 минут.

СОДЕРЖАНИЕ

I. НАПРАВЛЕНИЕ НА ОДЕР 3

Завтра в путь-дорогу	3
Вдоль линии фронта	5
Искусство штурма	8
Листок из блокнота	14
По дорогам Померании	15
На Штеттинском направлении	17
Снова в путь	20
Не было печали...	22
Идет советская кавалерия	24

II. НА БЕРЛИН... 28

Началось!..	29
Штурм Зееловских высот	33
Гром боя катится на Берлин	36

III. В БЕРЛИНЕ 41

Пушки бьют по центру города	43
Заветная мечта осуществилась	46
Идут уличные бои	49
Комендатура действует...	54

Первомайские «переговоры»	58
Берлин сдался «на аккорд»	62

IV. НАШЕ ПРАВОЕ ДЕЛО ТОРЖЕСТВУЕТ

В логове фашистского зверя	69
Советские журналисты у рейх- стага	75
Фашистская Германия подписала безоговорочную капитуляцию	78

**ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ
КУДРЕВАТЫХ**

БЕРЛИНСКАЯ ТЕТРАДЬ

Редакторы **В. Реут** и **Л. Максимова**
Худож. редактор **Е. Соколов**
Техн. редактор **А. Ковалевская**
Корректор **Р. Коган**
Обложка **Б. Макарова**

Сдано в набор 16.III 1966 г.
Подп. к печати 21/VII 1966 г. Изд. № 48.
Формат бум. 60×90¹/₃₂ Бум. л. 1.5.
Печ. л. 3.0. Уч.-изд. л. 2.79.
A00820. Цена 8 коп. Тираж 200 000 экз.
Заказ 915

Опубликовано тем. план. 1966 г. № 58.
Издательство «Знание».
Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

Типография изд-ва «Знание».
Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Просим Вас отзыв об этой книге и свои пожелания присылать в издательство «Знание».

Наш адрес: Москва, Центр, Новая пл., 3/4.